

Тов. Я.С. АГРАНОВУ 348

Товарищ АГРАНОВ!

Вы предложили мне изложить то, что мне известно о деятельности, так называемой, "ленинградской группы" за последние годы. Это вполне совпадает и с моим желанием. Должен только оговориться, что, так как ряд фактов имеет уже многолетнюю давность, и, с другой стороны, я лишен каких бы то ни было письменных документов, то возможно, что в мое изложение вкрадутся ошибка или путаница в последовательности событий. Прошу не ставить мне это в вину. Пишу я совершенно искренне и с желанием изложить все, что помню.

В категорической форме вопрос о дальнейшем поведении "ленинградской оппозиции" стал к концу XV съезда. ТРОЦКИЙ и его группа фактически становились на путь второй партии. Ленинградцы колебались. Я решительно выступал за прекращение всякой подпольной деятельности и за подчинение партии. Происходили жаркие споры. До тех пор я играл в определении тактики оппозиции второстепенную роль. Во-первых, потому, что много месяцев отсутствовал из СССР (был в Италии) и вернулся перед самым съездом. Во-вторых, потому, что занимал "правые" позиции, а вся оппозиция - под влиянием ТРОЦКОГО и подчинившегося ему ЗИНОВЬЕВА, - была в "боевом", "наступательном" настроении. Роли переменялись после поражения на съезде. Моя "капитулянтская" точка зрения явно находила сочувствие. Первым делом надо было "укрепить" ЗИНОВЬЕВА, которого явно страшила перспектива "второй партии", но который в то же время не решался сделать из этого всех выводов, боялся потерять влияние среди "левых" и потому колебался. Он, впрочем, скоро перешел на мою позицию. Оглядываясь теперь назад, я

понимаю теперь, конечно, что моя позиция тогда не обозначала слияния с партией, а только подчинение партии. Я тогда еще не пришел к выводу о том, что неправильна в корне наша политическая линия, а лишь к тому, что отстаивать ее методами фракционной организации и подпольной деятельности безнадежно и вредно. Но даже и эта точка зрения не смогла об"единить "ленинградцев". Произошел раскол. САФАРОВ, НАУМОВ, САРКИС об"явили нас "капитулянтами" и "изменниками". Из троцкистов на нашу точку зрения стал лишь ПЯТАКОВ. Помню, что основным моим аргументом было следующее рассуждение: нам не удалось изменить линию партии в желательном для нас направлении в открытой борьбе, но, если мы останемся в партии и подчинимся ей, то мы несомненно с течением времени получим возможность влиять на ее политику. Как то, в пылу спора с "левыми" и троцкистами я сказал, что после всего происшедшего (я разумел подпольную деятельность, выход на улицу и т.п.) я считал бы вполне удовлетворительной перспективой, если партия будет прислушиваться к нашим советам, хотя бы не поручая нам каких-либо официальных постов, и что ради этого надо отказаться от, так называемой, "платформы". Эта теория получила в среде оппозиции ироническое название - "теории неофициальных советчиков" и вызвала у "левых" негодование и насмешки. Я же искренно верил в нее, т.е. верил в то, что если мы подчинимся партии и откажемся от платформы, то партия, наткнувшись на неизбежные трудности, прибегнет к нашей помощи и с течением времени восстановит нашу роль в партии. Что наша политическая роль в партии безповоротно сыграна - мне тогда еще не приходило в голову. С этой точки зрения я стал тогда за решительный разрыв с "левыми" типа САФАРОВА - НАУМОВА, за отказ от платформы и находил полезным мой и ЗИНОВЬЕВА от"езд из Москвы, чтобы дать партии возможность забыть наши "художества".

Калуга, куда мы с ЗИНОВЬЕВЫМ переехали, стала центром посещения наших единомышленников. Приезжали "левые", которые после колебаний решили присоединиться к заявлению 23-х, приезжали троцкисты, решившие порвать с ТРОЦКИМ, приезжали и сторонники "23-х", чтобы узнать как мы оцениваем положение. Помню среди приезжавших ЕВДОКИМОВА, БАКАЕВА, КУКЛИНА, ПЯТАЮВА, ЗАЛУЦКОГО, ФЕДОРОВА, КАРЕВА, КАПИТОНОВА, БАБАХАН, МАДЬЯР. Мы не отклонили этих приездов. Главными предметами разговоров служили анализ причин нашего поражения и защита нашей позиции "капитуляции". Общее же настроение наше, и мое в частности, можно изобразить словами И.И.Хлестакова, который ждал, что к нему явятся курьеры и скажут: "Иван Иванович, пожалуйста управлять министерством". Мне лично, казалось, что партия не обойдется без нас и что, раз мы отказались от платформы и подпольной фракционной деятельности, то для этого нет препятствий. В этом убеждении поддерживали нас те трудности, которые переживала партия. Хлебозаготовки шли туго, и я помню, что я очень внимательно следил за экономическими явлениями, в частности за хлебозаготовками и составил целое исследование с цифрами и диаграммами, которые доказывали, что так дальше продолжаться не может, что кулак не дает хлеба государству и что требуется какой то поворот в политике. Положительной программы у меня не было. В средства, которые фигурировали в "платформе" (хлебный заем, лошадь безлошадным) я уже не верил, но и сам придумать ничего не мог. Было еще одно важное обстоятельство, которое поддерживало в нас - и в частности во мне - убеждение, что партия нас "призовет". Мы жадно ловили слухи о разногласиях в ЦК, которые привозили приезжающие. Но все это были слухи и сплетни, которым трудно было доверять, ибо шли они из вторых и третьих рук. Но был и один факт, которому я придавал более серьезное симптоматическое значе-

ние. Не помню уже времени и повода, но помню, что БУХАРИНУ было поручено П.Б. отредактировать какое-то из наших заявлений. По его указанию, я (не помню один или с ЗИНОВЬЕВЫМ) явился на его квартиру в Кремле с рукописью. В тот же день утром в "Правде" появилась телеграмма из одного из районов Зап. Сибири, в которой указывалось, что там находится тов. СТАЛИН и что по его директивам там проводится резкий нажим на кулаков, не сдающих хлеба. При обсуждении этого документа, который должен был отредактировать БУХАРИН (возможно, что тут же находился и еще кто-либо из членов П.Б., может быть РЫКОВ; хорошо не помню) я сказал: "А с кулаком то дело обстоит не так гладко, как ты проповедуешь" и сослался на телеграмму в "Правде". В ответ на это мое замечание, БУХАРИН не сдержался и явно раздраженно бросил: "Это все СТАЛИН. Мы этого не позволим". Это было сказано мимоходом и у нас с БУХАРИНЫМ, который только что громил нас с трибуны съезда, не такие были отношения, чтобы продолжать разговор на подобные темы, но для меня его слова были признаком каких-то разногласий в ЦК и укрепили надежду, что мы можем еще быть возвращены к политической жизни. Для меня поэтому не было полной неожиданностью, когда я в Калуге (в середине 1928 г.) получил записку от СОКОЛЬНИКОВА, вызывавшего меня в Москву и, приехав узнал, что меня хочет видеть БУХАРИН.

То что сказал мне БУХАРИН - известно, и я не стану здесь повторять это. Но то, что сказал мне БУХАРИН, казалось, открывало некоторые перспективы выхода из того тупика, в котором мы находились. В нелегальные подпольные методы борьбы за влияние на партию ни я, ни те, которые были вокруг меня, не верили и с этими методами разорвали. Примириться с мыслью, что мы должны стать простыми рядовыми в партии - до этого мы еще не доработались. При этих условиях заманчивой казалась

мысль, что борьба правых против ЦК побудит ЦК расширить деятельность каждого из бывших оппозиционеров, а нас - ЗИНОВЬЕВА, меня, недавно только участвовавших в руководстве партией, вновь привлечет к руководящей работе. ЗИНОВЬЕВ, исходя из этого, начал уже и в устных разговорах и даже на бумаге, строить всякие комбинации, вплоть до нового состава П.Б. с включением нас. Я относился ко всему этому более хладнокровно, считая все это преждевременным и праздным занятием. Я знал, что никаких сил воздействовать на ход событий у нас не было и что дальнейшее наше участие в политике зависит только от одного фактора: сочтет ли П.Б. и, в частности, тов. СТАЛИН нужным и полезным привлечь нас к борьбе с правыми. Поэтому меня интересовал вопрос, насколько тверды правые в своем решении вести свою линию. Это я и пытался выяснить для себя, когда зимой 28-29 года меня пригласил к себе на дачу ТОМСКИЙ. Это было мое второе и последнее свидание с правыми. Кроме этих двух свиданий, я в это время виделся только раза два с РЫКОВЫМ, к которому обращался по служебным делам, как к председателю СНК. Но во время этих свиданий РЫКОВ держался очень сдержанно, ни в какие общие разговоры не пускался и только иронически посмеивался: "Какой я пред. СНК! Держат пока считают нужным, а скоро и совсем прогонят!". У ТОМСКОГО я застал БУХАРИНА. Откровенного разговора у нас не вышло. Думаю потому, что они почувствовали, что я смотрю на них не как на союзников в борьбе, а как на людей, которые своей борьбой могут только расчистить почву для цели, к которой я стремился. А цель эта, как я уже сказал выше, заключалась в том, чтобы на почве борьбы правых с ЦК найти путь и возможность сотрудничества с большинством П.Б. Цель же эта была продиктована тремя соображениями: 1/ политическая линия т. СТАЛИНА по существу казалась и мне и ЗИНОВЬЕВУ и др. гораздо правильнее линии БУХАРИНА с

его "врастанием кулака в социализм", недоверием к индустриализации и т.д.; 2/ несмотря на все столкновения, раздражения и "обиды", я считал тов. СТАЛИНА гораздо более достойным поста руководителя партии, чем кого бы то ни было из правых (думаю, что это и тогда не было только моим личным мнением, но у меня оно было выражено ярче, благодаря старому дружескому отношению к тов. СТАЛИНУ); 3/ никогда я не верил в "победу" правых. Думать, что БУХАРИН, РЫКОВ и ТОМСКИЙ "победят" руководство, которое только что разбило на голову ТРОЦКОГО и нас - не было никаких оснований. Всего этого я, конечно, не говорил ТОМСКОМУ и БУХАРИНУ, но думаю, что они поняли или почувствовали, что приблизительно такова моя позиция и потому ничего серьезного из разговора не вышло. По основному интересовавшему меня вопросу: "До какого предела собираются правые идти в своей борьбе", я вынес впечатление, что они собираются быть очень осторожны и хотят во что бы ни стало сохранить свои места в ЦК. Знаю, что у ЗИНОВЬЕВА тоже было свидание с ТОМСКИМ. Впечатление он вынес такое же.

Вскоре, правые были окончательно разбиты. Стало также ясно, что для идейного и организационного разгрома правых никакой нашей помощи Ц. Комитету не понадобилось и что наше положение от всего этого ни на иоту не изменилось. Для меня это был решающий момент. Я понял, что руководство, разбившее на голову подряд троцкистов, нас и правых окончательно, если можно так выразиться "стабилизировалось", что никаких надежд на то, что нашей группе удастся вернуться к руководящей работе в результате внутрипартийной "драки" нет, что нужно окончательно расстаться с этими надеждами и пытаться не только формально, но и реально вернуться в партию, путем постепенного завоевания доверия руководства. Я не придавал больше никакого серьезного значения отдельным группам и группочкам ("левацким")

"право-левацким" и т.п.), рассматривал их, как пузыри, которые вскакивают на поверхности воды там, где недавно был большой и серьезный водоворот. О своих встречах с **СТЭНОМ**, с **ШАЦКИМ**^{НБС} и **ЛОМИНАДЗЕ** я рассказал на допросе. В 30-м году, после ХУ1 съезда, я уже не питал надежд на возвращение к политике, все меньше интересовался, так называемыми "внутрипартийными вопросами", ибо они в нашей среде все больше принимали характер без содержательного и бесплодного "судачества", все больше сосредотачивал свое внимание на литературе, желая уйти в эту область от "политики". Я продолжал жить в той среде - отчасти по инерции, отчасти потому, что никакой другой среды не было. Партийцы законно избегали нас.

В это время роковую роль сыграли личные качества **ЗИНОВЬЕВА**. Он продолжал пользоваться громадным авторитетом среди ленинградцев.

Роковое значение для этой группы имел **ЗИНОВЬЕВ** и его линия поведения, вернее отсутствие какой-либо линии у него. Долгое наблюдение позволяет мне сказать, что характерными для **ЗИНОВЬЕВА** являются: отсутствие воли, отсутствие последовательности, способность под влиянием случайных впечатлений то загораться необоснованными надеждами и оптимизмом, то впадать в мрачайший пессимизм. За все эти годы, он не проявил ни разу способности продумать положение до конца, принять твердое решение и провести его. Как в своих писаниях он всегда отправляется от "цитат", а не от самостоятельного продумывания вопроса, так и в конкретном поведении факт сегодняшнего дня, случайная встреча или разговор, способны менять его оценку положения. Лучшей формулой его поведения в эти годы является: "и хочется, и колется, и маменька не велит". Ему и хотелось примириться с партией и колело сознание, что он отныне может в ней играть только рядового члена. Он и понимал опасность

сохранения старых связей со своими единомышленниками и в то же время боялся остаться "одиночкой". Он признавал правильность политики партии и в то же время чувствовалась обида, что эта политика проводится без него. Отсюда готовность во всякой мере партии искать слабых сторон, уязвимых мест. Отсюда жадное внимание ко всяким слухам и "политическим" сплетням, готовность выслушать всякого, кто к нему обратится и неспособность дать точный, решительный, категорический ответ на сомнения и колебания. Это должно было действовать разлагающе на тех, кто к нему прислушивался. Я лично давно уже перестал это делать, зная по опыту, как легко меняются его мнения и что в них всегда много личного, субъективного, преходящего настроения. С того момента, как нас не связывала общая политическая цель, меня тяготили установившиеся между нами отношения. У нас разные характеры, разные вкусы, разный образ жизни, разное отношение к людям. Я знал и чувствовал, что мне легче проделать путь действительного возвращения в партию одному, а не под ручку с ЗИНОВЬЕВЫМ. Но, вероятно, именно поэтому я считал не деликатным, неблагородным бросить его и идти своей дорогой. Признаю, что это было глупо и политически вредно и несу теперь за это ответственность. Развязало ~~мне~~ руки в отношении ЗИНОВЬЕВА его поведение по отношению ко мне, в связи с "рютинским" документом и последующей высылкой в Минусинск. Факты эти известны партии, и я не стану их повторять. Но еще до отъезда в Минусинск мне стало известно, что, перепуганный ответственностью, он не потрудился снять эту ответственность с меня, хотя легко мог это сделать. Уже в Минусинске выяснилось, для меня еще одно обстоятельство. Когда я уезжал в Минусинск, он лежал в больнице. Тут у нас произошел с ним разговор о том, не следует ли до отъезда подать заявление в Ц.К. Мы сошлись на том, что это было бы сейчас бесплод-

но и поэтому делать этого не следует. Я и уехал, не подав заявления и только в Минусинске, через 4-5 месяцев я узнал, что он то подал заявление, не сообщив мне об этом ни слова и поставив меня этим в ложное положение перед партией. Но независимо от этих фактов и еще до того как я об них узнал, наши отношения были таковы, что когда он просил меня при выборе места высылки хлопотать о том, чтобы нас поселили вместе (как было в Калуге), я решил ни в коем случае не добиваться этого и прямо говорил товарищам, от которых это зависело, что не хочу быть высланным в один город с ЗИНОВЬЕВЫМ. Из Минусинска я с ним почти не переписывался. По возвращении из Минусинска я решил порвать всякие личные связи с бывшими единомышленниками по ленинградской оппозиции и осуществил это. К великому своему горю и несчастью я не порвал личных связей с ЗИНОВЬЕВЫМ. Однако, мое желание было столь явно, что после моего возвращения в Москву ко мне пришла Ольга РАВИЧ со специальной просьбой: поддержать ЗИНОВЬЕВА, не рвать с ним; она ссылалась на его болезнь, одиночество и т.п. Отчасти под этим влиянием, отчасти по бытовым условиям, отчасти потому, что после моего и его выступлений на ХУП с "езде я уже не видел в общении с ним никакой политической опасности (что, как я теперь только убедился, было громадной ошибкой), я не порвал личных связей с ним. Это была роковая ошибка, слабость, за которую я теперь так страшно расплачиваюсь.

Во всяком случае я еще раз подтверждаю, что с момента возвращения в партию, я не имел ничего общего с б. ленинградской оппозицией, избегал встреч и разговоров с б. ее членами, абсолютно ничего не знал о "ленинградской группе". Я считал, что выбрался из грязного болота оппозиций и антипартийной борьбы и твердо шел по намеченной дороге честной работы на порученном мне участке партии в надежде завоевать вновь ее доверие. Теперь, когда все уже решено и ничего не может быть

изменено, я хочу заявить, что со времени моего приезда из Минусинска я ни делом, ни словом, ни помышлением, не изменил ни одному слову из того, что я писал Ц. Комитету и тов. СТАЛИНУ. Я писал тогда искренно, столь же искренно говорил на ХУП с"езде и честно выполнил взятые на себя обязательства, и мне казалось, что передо мной прямая дорога. Теперь, когда все полетело прахом и все безнадежно, я еще раз заявляю: я не играл словами и в моих письмах из Минусинска в Ц. К. к тов. СТАЛИНУ, в моих статьях в "Правде" и в речи на ХУП с"езде я выразил все мои мысли до конца и без остатка и не изменял им с тех пор ни на йоту.

24/ХП-34 г.

Л. КАМЕНЕВ.

Верно:

Л. Каменев

Тов. АГРАНОВ, я торопился, вышло неравномерно.
М.б., следует кое-что добавить. Я рад буду сделать это,
если это нужно. Пожалуйста, вызовите меня.

Л. КАМЕНЕВ.

Чернила расплзаются, и потому не все ясно. Я
хотел бы, поэтому, просмотреть машинную копию.

Л. КАМЕНЕВ

Верно: *Агранов*